

на региональные государственные пространства, образующих региональную общность («государственное стягивание»). В перспективе демократизация международных отношений потребует не ущемления, а гармонизации интересов ее участников, уважения плюрализма подходов, мнений и оценок. Международная иерархическая система уступит место распределенному взаимодействию государств. В конечном итоге современный мир в условиях **отсутствия сверхдержав** станет искать опоры для формирования системы саморегулирования, что предполагает более высокую степень свободы действий и ответственности за них.

Список литературы:

1. Доклад на XIX Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24.10.2022–27.10.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ru.valdaiclub.com. – Дата доступа: 02.11.2022.
2. Латухина, К. «Никто никогда не сможет диктовать нашему народу, какое общество и на каких принципах мы должны строить». О чем говорил Владимир Путин на выступлении перед участниками клуба «Валдай» / К. Латухина // Российская газета. – 2022. – 27 окт.
3. Пороховский, А.А. Национальная инфраструктура как фактор экономического развития США / А.А. Пороховский // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2022. – № 6 (630). – С. 5–20.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СЛУЖБА В КОНТЕКСТЕ НАРАСТАНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

К.В. Стволыгин

Минск, Белорусский государственный университет

Обострение военно-политической обстановки в Восточной Европе неизбежно ведет и к нарастанию военно-политической напряженности в Республике Беларусь. Данные обстоятельства, а также опыт проведения Россией специальной военной операции в Украине требуют принятия ряда превентивных мер, направленных на повышение обороноспособности страны. В числе этих мер – отношение к отказам граждан вследствие убеждений от военной службы, организация альтернативной службы в условия проведения мобилизационных мероприятий, в ходе ведения боевых действий и/или подготовки к ним.

Проведение в России частичной мобилизации в рамках специальной военной операции выявило ряд узких мест в организации альтернативной гражданской службы. Если не вдаваться в детали, то ключевая проблема может быть обозначена как возможность мобилизованных граждан вместо соответствующей подготовки и участия в боевых действиях в Украине проходить альтернативную гражданскую службу. Сложившаяся ситуация во многом схожа

с той, что имела место в России в 90-е годы XX века. Начиная с 1992 г., Конституция Российской Федерации закрепила за гражданами право на замену военной службы альтернативной гражданской службой. Однако соответствующий закон или необходимые изменения в других законодательных актах, позволяющее российским гражданам на практике реализовать свое конституционное право на отказ вследствие убеждений от военной службы и замену ее альтернативной гражданской службой, не были приняты в течении последующих десяти лет[†]. Это привело к созданию правового вакуума в вопросах альтернативной службы: право на замену военной службы альтернативной службой было прописано в Конституции, а механизм его реализации отсутствовал. Таким образом, в России в 90-е годы XX века возник еще один способ уклонения от военной службы по призыву. Причем применение этого способа на практике получило широкое распространение и вполне легальную профессиональную юридическую поддержку (например, в виде различных памяток и наставлений по оформлению необходимых документов), что делало его еще более эффективным, а, значит, и привлекательным [2]. В итоге существовавшая тогда проблема комплектования российских вооруженных сил солдатами и сержантами еще больше обострилась [3, с. 195–196].

Исходя из изложенного выше, вполне очевидно, что в сложившихся условиях проблема организации альтернативной службы требует решения на законодательном уровне. Логично предположить, что в качестве возможного варианта решения данной проблемы может рассматриваться приостановка действия института альтернативной гражданской службы на время ведения боевых действий. Этот вариант безусловно лучше, чем правовой вакуум, ведущий росту числа уклонений от военной службы и дискредитации самой идеи альтернативной гражданской службы. Однако, если принять во внимание исторический опыт, этот вариант решения проблемы не представляется оптимальным.

Отечественный исторический опыт, также, как и зарубежный, свидетельствует о том, что во все времена были люди, отказывающиеся брать в руки оружие, вследствие своих пацифистских убеждений. При этом они были готовы за свои убеждения нести не только еще большие тяготы и лишения, чем на военной службе, но и подвергаться суровому уголовному преследованию. Численность и организованность таких идейных отказников могла варьироваться. Так или иначе государства вынуждены были с этим считаться и решать проблему не только через ужесточение наказания отказников от военной службы, но и через определенные послабления для них. К примеру, в Российской империи, начиная с 1874 г., за меннонитами, переселившимися на российские земли, официально признавалось право

[†]Государственная Дума приняла Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» 28 июня 2002 года, в юридическую силу этот закон вступил только с 1 января 2004 г.

на отказ от воинской повинности вследствие их религиозных убеждений и замену военной службы обязательной службой (так тогда называлась альтернативная служба). В последующем стоял вопрос о необходимости введения обязательной службы не только для меннонитов, но и для всех россиян, отказывающихся по своим религиозным убеждениям брать в руки оружие [2, с. 108–109]. В Советском государстве, начиная с 1918 г., этот вопрос был решен положительно, несмотря на ведение боевых действий. Значимо, что в годы Гражданской войны местом прохождения альтернативной службы декрет СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» определял «преимущественно заразные госпитали» [1]. Практика замены воинской повинности другой гражданской обязанностью по религиозным убеждениям граждан существовала юридически с 1918 г. по 1939 г., а фактически – эта практика была свернута в самом начале 30-х годов [2, с. 184–185]. Характерно, что при этом подавляющее большинство властных структур исходило из того, что отказы от военной службы по убеждениям в большинстве своем были продиктованы антисоветскими настроениями, «шкурничеством», трусостью отказников, а альтернативная служба рассматривалась как отступление от краеугольных принципов советского законодательства, «базирующимся на весьма шатких основаниях компромиссом» [4]. В настоящее время право граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы является одним из значимых международных стандартов в области прав человека. В соответствии с этим Конституция Республики Беларусь (ст. 57), гарантируя гражданам свободу убеждений, предусматривает возможность замены воинской службы службой альтернативной.

Анализ отечественного исторического опыта свидетельствует о том, что толерантное отношение государств и общества в целом относительно отказов от военной службы вследствие пацифистских убеждений граждан имеет тенденцию к усилению. Страны постсоветского пространства, в том числе и Республика Беларусь, в этом плане не являются исключением. Не менее значимо и то, что Российская империя, а затем и Советское государство прошли через первую мировую войну, Гражданскую войну и военную интервенцию, сохранив институт альтернативной гражданской службы. При рассмотрении варианта приостановки действия института альтернативной гражданской службы на время ведения боевых действий важно учитывать и еще одно значимое обстоятельство, фиксируемое в соответствующем историческом опыте. Военное руководство всегда понимало, что действующий институт альтернативной службы безусловно, приводит к некоторому сокращению призывных ресурсов. Наряду с этим было понимание и того, что иметь в составе боевых частей военнотружеников, которые в самый решающий момент боя могут отказаться применять оружие или, что еще хуже, будут стрелять мимо цели, да еще и вести антивоенную пропаганду, недопустимо [Подробнее см. 2 с. 60, 143–144].

Таким образом, изложенные выше обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что в условиях не только нарастания военно-политической напряженности, но и непосредственного ведения боевых действий институт альтернативной службы должен быть сохранен. Однако без ущерба для обороноспособности страны это возможно только при условии достижения реального паритета военной и альтернативной служб по тяготам, лишениям, опасностям, связанным с их прохождением. Именно в этом направлении должна решаться проблема организации альтернативной службы в ситуации обострения военно-политической обстановки.

Список литературы:

1. Декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1968. – Т. IV. – С. 283–284.
2. Маранов, Р.В. Альтернативная гражданская служба. Практическое пособие / Р.В. Маранов. – Пермь, 1998. – 111 с.
3. Стволыгин, К. В. Отказы от военной службы вследствие убеждений и альтернативная гражданская служба в России / К. В. Стволыгин. – Минск: БГУ, 2020. – 247 с.
4. Урсынович, С. К вопросу об освобождении от воинской повинности по религиозным мотивам / С. Урсынович // Революция и церковь. – 1923, 1–3. – С. 13–16.

ТЕХНОЛОГИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

*И.В. Фролов, И.А. Кабирова
Глазов, Глазовский государственный педагогический
институт имени В.Г. Короленко*

В настоящее время официально признано существование информационной войны, ведущейся всеми странами мира с применением доступных технологий и источников. В ведении современной информационной войны задействованы средства массовой информации, литература, кино, театр, интернет и даже компьютерные игры. Компьютерные игры обладают рядом определённых преимуществ перед остальными: привлекательность для игроков возможностью принять участие в событиях, которые в реальном мире не могут иметь место (жанры фэнтези, альтернативная история и т.д.), популярность среди молодёжи – самой восприимчивой среди населения, эффективная маскировка культурной пропаганды.

На сегодня компьютерные игры являются доступным средством развлечения для большей части общества. Однако значительная часть игр имеет легко внушаемый скрытый пропагандистский подтекст. Вследствие этого многие государства ограничивают доступ поступающим извне компьютерным играм. А посредством распространения отечественных игр на своей или чужой территории внедряется пропаганда, необходимая государству.